

АМАНДА КВИК

ОБОЛЪЩЕНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К32

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Amanda Quick
SEDUCTION

Перевод с английского *В.В. Копейко, Н.К. Рамазановой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Квик, Аманда.

К32 Обольщение : [роман] / Аманда Квик ; [пер. с
англ. В.В. Копейко, Н.К. Рамазановой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-114580-4

Люди боялись мрачного Джулиана, графа Рейвенвуда как огня, и прозвище его — «Дьявол» — шепотом передавалось из уст в уста. А еще тише рассказывали истории о загадочной гибели его жены, которая то ли утопилась, не снеся издевательств мужа, то ли и вовсе была им убита, — не исключено причем, что в уплату нечистому, с которым он заключил договор.

Естественно, что на новую невесту графа, чистую и невинную сельскую барышню Софи Дорринг, горожане заранее смотрели как на покойницу.

И очень зря — ведь у Софи имелись и серьезные основания сделатья графиней Рейвенвуд, и хитрый, до мелочей продуманный план по усмирению таинственного «Дьявола», и даже более чем веские причины считать, что это чудовище в действительности — лишь одинокий и очень несчастный человек, которого любовь может изменить до неузнаваемости.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Jayne Ann Krentz, 1990
© Перевод. В.В. Копейко, 2018
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-114580-4

Глава 1

Джулиан Ричард Синклер, граф Рейвенвуд, слушал и не верил услышанному: на официальное предложение руки и сердца он получил отказ. Он был взбешен. Что воображает о себе эта леди? К сожалению, спросить ее об этом он не мог. Леди предпочла исчезнуть, поручив своему деду отклонить столь великодушное предложение графа. Ее поверенный чувствовал себя явно не в своей тарелке.

— Черт побери, Рейвенвуд! Мне и самому ее решение не по душе. Моя внучка уже не желторотый цыпленок, только что из детской, — мрачным тоном рассуждал лорд Дорринг. — Вообще-то она весьма приятная девушка и обычно покладиста. Но она выросла. — Он удивленно пожал плечами. — Ей уже двадцать три, в конце концов. И в последнее время в ней стало заметно проявляться своенравие. Иногда ее поведение меня совершенно обескураживает и раздражает, но ничего не поделаешь. Я уже не могу ей приказывать.

— Мне известен ее возраст, — сухо отвечал Джулиан. — Я как раз надеялся, что в ее-то возрасте девушка должна проявлять больше благоразумия и она сразу примет мое предложение.

— Да она вообще-то разумная, — пролепетал лорд Дорринг. — Вполне разумная, и не подумайте, что она

4 какая-нибудь глупенькая, легкомысленная, истеричная девица. — Румяное лицо лорда, обрамленное бакенбардами, вспыхнуло от смущения. — Моя внучка спокойного и веселого нрава, вполне может служить прекрасным образцом женской скромности и добродетели...

— «Женской скромности и добродетели...» — эхом отозвался Джулиан.

Лорд Дорринг просиял:

— Совершенно верно, милорд. Женской скромности и добродетели. После того как утонули в море ее родители — наш младший сын и его жена, она с сестрой переехала к нам. Софи тогда исполнилось семнадцать. С тех пор она лучшая помощница бабушке. Я думал, вы запомнили ее. — Лорд Дорринг откашлялся. — Или вы тогда не обратили внимания на Софи? Вы, конечно, были заняты... гм... другими делами...

«Другие дела... Лорд Дорринг прибегнул к вежливому эвфемизму, чтобы не называть своими именами мою очевидную глупость: я попался в сети, расставленные красивой ведьмой по имени Элизабет, и запутался в них, как беспомощный птенец», — подумал про себя Джулиан.

— Если ваша внучка, как вы утверждаете, образец всех достоинств, Дорринг, почему вам не удалось убедить ее принять мое предложение?

— Да, я сам виноват, — быстро закивал он, — по крайней мере так утверждает ее бабушка. — Кустистые брови старика сошлись на переносице. — Боюсь, я решил ей слишком много читать. И как говорят мне теперь — совсем не те книги, какие нужны молодой леди. Но разве кто посмеет диктовать Софи, что можно читать, а что нельзя? Я даже не могу вообразить, чтобы кому-нибудь удалось ей что-то запретить. Еще немного вина, Рейвенвуд?

— Спасибо. Пожалуй, не помешает пропу- 5
стить еще стаканчик.

Джулиан взглянул на раскрасневшегося хозяина и заставил себя говорить спокойно:

— Признаюсь, я не очень понимаю, Дорринг, какое отношение имеет чтение к нашему делу?

— Я не следил за тем, что она читает, — пробормотал лорд Дорринг и залпом выпил вино. — Молодые женщины набираются из книг всяких глупых идей, читая все без разбору. После того как умерла ее сестра три года назад, я многое ей позволяю. Мы с женой обожаем Софи. Она действительно очень умная девушка. Никак не пойму, почему ей взбрело в голову отказать вам? Я уверен, если бы вы дали ей время на раздумье, она переменяла бы свое мнение.

— Время на раздумье? — Брови Рейвенвуда поднялись, и в голосе прозвучал неприкрытый сарказм.

— А разве вы не торопите события? Даже моя жена так считает. Мы, деревенские, предпочитаем не спешить в подобных делах. Не то что в городе, смею заметить. Очаровательные головки женщин, даже вполне здравомыслящие, забиты романтическими мечтами, у них свои представления о том, как джентльмен должен делать девушке предложение. Цветы, комплименты... — Лорд Дорринг посмотрел на гостя с некоторой надеждой. — И если бы вы дали Софи еще несколько дней, чтобы обдумать ваше предложение...

— Я бы сам хотел поговорить с мисс Дорринг, — решительно заявил Джулиан.

— Но я же вам все объяснил. Сейчас это невозможно: ее нет — по средам она навещает старую Бесс.

— Да-да. Но ведь Софи знала, что мой визит назначен на три часа дня?

Лорд Дорринг снова прокашлялся.

6 — Я, конечно, сообщил об этом Софи, но она, видимо, пропустила мои слова мимо ушей. Вы же знаете этих молоденьких женщин. — Старик посмотрел на часы. — Она будет дома в половине пятого.

— К сожалению, я не могу ждать. — Джулиан поставил бокал и поднялся. — Пожалуйста, сообщите вашей внучке, что я не отношусь к числу терпеливых мужчин. Я очень надеялся, что сегодня мы уладим вопрос с женитьбой.

— Мне кажется, Софи считает дело решенным, милорд, — печально отозвался лорд Дорринг.

— Будьте так любезны сообщить ей, что я не считаю дело решенным. Я заеду еще раз — завтра в это же время. Я буду весьма признателен, Дорринг, если вы потрудитесь напомнить Софи о моем визите. Я хочу побеседовать с ней лично.

— Конечно, конечно, Рейвенвуд, однако обязан вас предупредить: она уезжает из дома когда вздумается. Временами она бывает очень упрямой.

— Тогда мне остается лишь надеяться, что вы проявите немного собственной воли. Она же ваша внучка, в конце концов. И если есть необходимость натянуть вожжи, так почему бы этого не сделать?

— Бог мой! — воскликнул Дорринг. — По-вашему, так легко повлиять на Софи?!

Джулиан направился к двери через маленькую обшарпанную библиотеку и вышел в узкий темный холл. Дворецкий, чья ливрея вполне гармонировала с поблекшим и обветшалым, давно забывшим лучшие времена старым именем, вручил ему высокую касторовую шляпу и перчатки.

Джулиан резко кивнул и быстро проследовал мимо пожилого слуги. Каблуки блестящих ботфортов глухо простучали по каменному полу. Он уже пожалел, что потратил столько времени, переодеваясь в официаль-

ный костюм для совершенно бесплодного визита. Лучше бы он поехал в Чесли-Корт верхом, а не в этой карете. Зря только потратил столько усилий, чтобы придать своему визиту официальный характер. И будь он верхом, на обратном пути заехал бы к арендатору одного из коттеджей. По крайней мере день не пропал бы даром.

— Домой! — бросил он, когда ему открыли дверцу кареты.

Кучер в рейвенвудской ливрее, зеленой с золотом, дотронулся до шляпы, что означало: приказ ясен.

Прекрасная упряжка гнедых рванула с места, едва только щелкнул кнут и хлопнула дверца кареты. Граф Рейвенвуд сегодня не в настроении раскатывать по сельским дорогам.

Джулиан откинулся на подушки, вытянул ноги и скрестил руки на груди. Он попытался сдерживать нетерпение, хотя задача была не из легких.

У него и мысли не возникало, что его предложение кем-то будет отклонено. Мисс Софи Дорринг, черт ее побери, не может и мечтать о чем-то лучшем. Все заинтересованные лица понимали это.

Лорд Дорринг и его жена едва не лишились сознания, когда несколько дней назад Джулиан попросил руки их внучки. Они прекрасно отдавали себе отчет, что Софи давно уже миновала тот возраст, когда девушке делают столь выгодное предложение. Граф был прямо-таки *подарком* судьбы, посланным провидением.

Губы Джулиана насмешливо скривились, когда он представил себе сцену: Софи сообщает своим воспитателям о намерении отклонить предложение графа. Лорд Дорринг явно растерялся, лихорадочно соображая, как выпутаться из ситуации, а лицо мадам наверняка пошло пятнами. Их начитанная внучка нанесла им сокрушительный удар.

8 Но весь вопрос в том, почему эта дурочка так повела себя. Она должна была кинуться Джулиану на шею, услышав такое предложение. Он ведь соби-рался поселить ее в Рейвенвудском аббатстве, сделать графиней Рейвенвуд. Девица двадцати трех лет, воспитанная в деревне, со скромным приданым, с весьма посредственной внешностью, вряд ли могла рассчитывать на что-то большее. Джулиан мимоходом подумал: а что за книги читает Софи? Впрочем, не так это важно.

Дедушка явно потекает прихотям внучки. Вот в чем дело. Женщина моментально начинает пользоваться слабостями мужчин, стоит только проявить их.

Однако возраст Софи играл не последнюю роль в выборе Джулиана. Он уже был однажды женат на молодой взбалмошной девице, с него довольно. Воспоминаний о сценах, вспышках ярости и истериках Элизабет ему хватит до конца жизни. Поэтому он решил выбрать взрослую и уравновешенную женщину. И менее требовательную. И благодарную.

К тому же у Софи в деревне, казалось Джулиану, нет большого выбора женихов. Сомнительно, что и в городе она пользовалась успехом. Она не из таких леди, кто притягивает к себе пресыщенных светских львов, считающих себя знатоками женщин и ценителями лошадей. И, увидев ее однажды, они бы не удостоили ее более взглядом.

Софи не была ни жгучей черноволосой красавицей, ни милой голубоглазой ангелоподобной блондинкой, которые пользовались бешеным успехом у мужчин. Ее каштановые приятно оттенка локоны были столь же своенравны, как и сама хозяйка. Кольца волос постоянно выбивались из-под шляпы и стремились покинуть старательно уложенную прическу.

Она даже отдаленно не напоминала греческую богиню — образ, который вошел в моду в Лондоне. Но

Джулиан ничего не имел против вздернутого носика Софи, мягкой округлости ее подбородка и теплой улыбки. Так что ему, желавшему поскорее получить наследника, будет совсем не обременительно почаще оказываться с ней в постели.

Он не мог не восхищаться прекрасными глазами Софи — удивительного, необычного бирюзового цвета с золотыми искорками. И самое замечательное, привлекавшее его в ней больше всего, — обладательница столь прекрасных глаз понятия не имела, как их использовать для флирта.

Вместо того чтобы бросать кокетливые взгляды из-под ресниц, Софи смотрела в глаза мужчине открыто и честно. Такая манера убеждала Джулиана, что Софи вряд ли удастся освоить виртуозное искусство обмана. И это его вполне устраивало. Попытка узнать истину, скрывавшуюся за милой ложью Элизабет, однажды чуть не свела его с ума. Софи была изящна, модные платья с завышенной талией шли ей, хотя и подчеркивали, что ее грудь не столь высока. Однако от Софи веяло здоровьем — качеством, которое Джулиан очень ценил. Зачем ему болезненная жена? Хрупкие женщины трудно рожают.

Джулиан, мысленно рассматривая свою избранницу, понял, что в основном он довольно верно оценил ее физические качества, но в то же время, судя по всему, не принял во внимание некоторые особенности ее характера.

Например, он никогда бы не догадался, что за простотой и скромностью обнаружится своенравие и чрезмерная гордость. Вероятно, именно гордость помешала Софи проявить хотя бы элементарную благодарность. И ее своенравие оказалось сильнее, чем можно было ожидать. Ее бабушка и дедушка пребывают в растерянности и совершенно беспомощны перед неподви-

10 денным отказом внучки. И спасти положение следует самому, ни на кого не надеясь.

Джулиан принял решение, когда карета с грохотом остановилась перед импозантным въездом в аббатство Рейвенвуд. К парадному входу в дом вели две лестницы, словно две клешни огромного рака. Граф выбрался из экипажа и, поднимаясь по каменным ступеням, негромко и спокойно отдавал приказы:

— Пошлите кого-нибудь в конюшни, Джессап. Я хочу, чтобы через двадцать минут мне оседлали вороного жеребца.

— Слушаю, милорд.

Дворецкий удалился, чтобы передать указание лакею, а Джулиан прошел через холл, громко стуча каблуками по черно-белому мрамору, затем поднялся по лестнице, покрытой тяжелым плотным ковром.

Джулиан не обращал внимания на окружавшее его великолепие: он здесь вырос, все ему было привычно, и он мало заботился об аббатстве после женитьбы на Элизабет. Когда-то он гордился своим домом. Гордился и принадлежавшими ему плодородными землями. Теперь же чувствовал лишь смутную неприязнь к своему родовому гнезду. Время от времени ему приходила в голову навязчивая мысль: не в этой ли комнате ему наставляли рога.

Земля — другое дело. Ни одна женщина не способна запятнать репутацию прекрасных плодородных полей Рейвенвуда или других его имений. Мужчина может положиться на землю, если будет о ней заботиться. Она не предаст и не оставит его без награды. Сохранить земли для будущих графов Рейвенвудов — ради такой цели Джулиан мог пойти на самую большую жертву. Он готов был снова жениться в надежде, что при другой жене в аббатстве не останется и следа от Элизабет, особенно в чрезвычайно роскошной, экзо-

тически чувственной спальне, которую она здесь **11**
устроила. Джулиан ненавидел эту комнату и ни
разу со дня смерти Элизабет не переступал ее порога.

Не вызывает сомнений одно, говорил он себе, под-
нимаясь по лестнице: никогда больше он не повторит
ошибки, которые совершил в первом браке; никогда
больше не окажется мухой, попавшей в паутину.

Через четверть часа Джулиан в костюме для верхо-
вой езды уже спускался по лестнице. Он ничуть не уди-
вился, обнаружив уже оседланного вороного жеребца
по кличке Ангел. Он воспринял это как должное. Каж-
дый в доме старался предупредить любое желание хо-
зяина Рейвенвуда. И никто в здравом уме не захотел бы
совершить промах, способный пробудить гнев дьявола.

Джулиан вскочил в седло, и конюх быстро отступил
назад: жеребец вздернул голову, нетерпеливо переби-
рая копытами. Мощные мускулы перекатывались под
глянцевой кожей, но Джулиан твердой рукой успоко-
ил животное. Потом пришпорил коня, и тот рванулся
вперед.

Ему не составит труда перехватить мисс Софи Дор-
ринг на пути в Чесли-Корт, думал Джулиан. Он знал
каждый дюйм своих владений и догадался, что встре-
тит ее на берегу: желая сократить путь, она наверняка
поедет через его земли по тропинке, огибающей пруд.

— Он когда-нибудь убьется на этом жеребце, —
бросил слуга конюху, своему двоюродному брату.

Конюх сплюнул на гравий.

— Его светлость верхом на Ангеле ничем не риску-
ет. Ездит, как сам дьявол. Не знаешь, надолго он сюда
на этот раз?

— На кухне говорят, что граф решил подыскать
себе жену. И будто бы положил глаз на внучку лорда
Дорринга. Его светлость мечтает о спокойной деревен-
ской девушке. Такой, чтобы не доставляла хлопот.

12 — Его за это не осудишь. На месте графа я бы тоже так поступил, после той-то ведьмы.

— Кухарка Мегги божится, что первая жена графа была настоящей ведьмой, которая превратила его светлость в дьявола.

— Если Мегги говорит, значит, так оно и есть. А я же тебе скажу, что очень сочувствую мисс Дорринг. Она хорошая. Помнишь, зимой она лечила своими травами мою матушку от простуды? Матушка клянется, что, если бы не мисс Дорринг, она сошла бы в могилу.

— Зато мисс Дорринг станет графиней, — заметил слуга.

— Оно конечно, но ей придется слишком дорого заплатить за честь быть женой дьявола.

Софи, пристроившись на скамейке перед домиком старой Бесс, тщательно укладывала в мешочек сухой пажитник. Потом занялась пучком только что собранных трав. Домашние запасы чеснока, чертополоха, паслена и мака быстро истощались.

— Ну вот, этого мне хватит месяца на два, Бесс, — объявила она, поднимаясь и отряхивая руки.

Она не обратила внимания, что на блекло-синей юбке, в которой она обычно отправлялась верхом, осталось пятно от свежих трав.

— Осторожнее заваривай головки мака, когда будешь готовить чай от ревматизма для леди Дорринг, — предупредила Бесс. — Нынче мак очень сильный.

Софи кивнула сморщенной старой женщине, научившей ее разбираться в травах.

— Я постараюсь. А как твои дела? Может, нужно что-нибудь?

— Ничего, детка. Ничего. — Бесс окинула взглядом свой домик, огород, засеянный травами, спокойно вытерла руки о фартук. — У меня все есть.

— Ты всегда так говоришь. Тебе повезло, что ты довольна своей жизнью, Бесс. 13

— Придет время, и ты тоже успокоишься. Если, конечно, сама того захочешь.

Лицо Софи стало серьезным.

— Может быть. Но сначала мне предстоит кое-что сделать.

Выцветшие глаза Бесс с сожалением и пониманием посмотрели на девушку.

— Я думала, ты уже отказалась от мести, детка, и наконец оставила в прошлом все, что там и должно остаться.

— Все меняется, Бесс. — Софи завернула за угол маленького, крытого соломой домика, где стоял ее мерин. — У меня появилась возможность добиться торжества справедливости.

— Если у тебя есть хоть какой-то здравый смысл, послушай моего совета: забудь все, детка. Что сделано, то сделано. Твоя сестра — упокой Господи ее душу! — умерла. И ты ее не вернешь. У тебя своя жизнь, и лучше заняться ею. — Губы Бесс раздвинулись в беззубой улыбке. — Я слышала, на днях тебе предстоит принять важное решение.

Софи быстро посмотрела на старуху, машинально пытаясь поправить сбившуюся набок шляпу для верховой езды.

— Тебе всегда обо всем известно. По слухам, сам дьявол сделал мне предложение выйти за него замуж.

— Люди, которые называют лорда Рейвенвуда дьяволом, — самые настоящие сплетники. А меня интересует только правда. Итак, он сделал предложение?

— По-моему, правда заключается в том, что он связан с Люцифером. Я почти уверена в этом. Никогда в жизни я не встречала более надменного человека,

14 чем его светлость. Этакая гордость может распи-
рать только самого дьявола.

Бесс нетерпеливо покачала головой:

— Я о другом. Значит, он сделал тебе предложение?

— Да.

— Ну? И когда ты должна дать ответ?

Софи пожала плечами и отказалась от дальнейших попыток поправить шляпку на голове. Шляпки никогда на ней не держались.

— Дедушка должен встретиться с ним сегодня днем. Граф послал записку, что в три часа заедет за ответом.

Бесс резко остановилась на выложенной камнем дорожке. Седые букли выбились из-под желтого муслинового чепца. Ее морщинистое лицо выразило удивление.

— Сегодня? А ты тут возишься с травами? Точно сегодня обычный день? Что за вздор, детка? Ты должна быть в Чесли-Корт, одетая в свое лучшее платье.

— Зачем? Нет совершенно никакой необходимости. Дедушка в состоянии сказать дьяволу, чтобы он убирался в свой ад.

— Сказать дьяволу, чтобы он убирался в свой ад? Софи, ты велела отказать графу?

Софи мрачно улыбнулась. Она остановилась рядом с мерином.

— Ты все правильно поняла, Бесс. — Она рассовала мешочки с травами по карманам.

— Что за вздор?! — не унималась Бесс. — Невозможно поверить, чтобы лорд Дорринг оказался настолько бестолковым. Он же знает, что тебе никогда больше не сделают лучшего предложения, проживи ты еще хоть сто лет.

— А я в этом не уверена, — усмехнулась Софи. — Хотя, конечно, все зависит от того, что считать хорошим предложением.

Бесс пристально посмотрела на нее:

— Дитя, ты боишься графа? Я думала, у тебя хватает ума не верить слухам, которые рассказывают деревенские кумушки.

— А я им и не верю, — сказала Софи, устраиваясь в седле. — Ну разве что наполовину. Тебе так спокойнее, Бесс?

Софи подоткнула подол юбки вокруг ног. Она ездил верхом по-мужски, что считалось для женщины неприличным, но в деревне люди снисходительно относились к ее привычке. В любом случае Софи была уверена, что она сидит на лошади достаточно скромно, показывая миру только коричневые ботиночки.

Бесс ухватила за поводья:

— Так вот, девочка, не верь никаким сказкам вроде того, что его светлость утопил свою первую жену в пруду. Хорошо?

Софи вздохнула:

— Нет, Бесс, я не верю этому.

А если точнее, она не хотела этому верить.

— Слава Богу. Хотя сам Бог знает, что никто в округе не осудил бы графа, поступи он так с женой, — заявила Бесс.

— Да.

— Тогда почему? Из-за какой такой чепухи ты отказываешь его светлости? Мне не нравятся твои глаза, детка. Я уже видела их такими, и это не сулит ничего хорошего. И что ты собираешься сейчас делать?

— Сейчас? Отправлюсь на старом Дансере в Чесли-Корт, а потом разберу травы, которые ты великодушно мне дала. Дедушку беспокоит подагра, а у меня как раз кончился его любимый отвар.

— Софи, дорогая моя. Ты действительно откажешь графу?